

© 2002 г.

О.В. КРЫШТАНОВСКАЯ

ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЗНЕС-ЭЛИТЫ РОССИИ: 1998-2002

*КРЫШТАНОВСКАЯ Ольга Викторовна - кандидат философских наук, докторант
Института социологии РАН.*

Экономический кризис 1998 г. прервал победное шествие по стране олигархов - небольшой группы из 15 московских бизнесменов, которые не стеснялись откровенно заявлять о своем влиянии на политику страны. Их имена знала вся страна: Р. Вяхирев, Б. Березовский, В. Гусинский, В. Алекперов, В. Потанин, М. Фридман, М. Ходорковский и др. На протяжении трех лет (с 1995 по 1998 гг.) их могущество и рейтинги неуклонно росли, они имели "своих" министров, чиновников, депутатов. Партии парламентского большинства пополняли свои зарубежные счета, "продавливая" нужные нефтяным баронам соглашения о разделе продукции, и даже война была по зубам могущественным олигархам. Сам президент Ельцин вынужден был просить поддержки у медиа-магнатов в канун выборов. Именно из-за этой группы в стране сложилось ощущение, что государство "приватизировано" и все важные решения принимаются "денежными мешками". Аналитики уже всерьез задавались вопросом: кто же действительно правит Россией - политики или бизнесмены? Их силы казались равны. Но августовский кризис все изменил.

В результате кризиса часть крупных бизнесменов разорилась, часть ушла в тень, часть перебралась за границу. С приходом В. Путина была объявлена политика "равного удаления" бизнеса от политики. Но что это означало: начало борьбы государства с *олигархией* или с *олигархами*?! С конкретными неугодными персонами или с системой взаимопроникновения власти и капитала? Стал ли частный бизнес играть меньшую роль в политике России или, напротив, его власть укрепилась?

Бизнес-элита и олигархия

Под *бизнес-элитой* мы понимаем верхушку крупных предпринимателей, которые благодаря своему финансовому могуществу и наличию экономических ресурсов оказывают существенное влияние на принятие общегосударственных решений. Она не тождественна группе крупных бизнесменов, к которым следует отнести крупнейших акционеров (а иногда и топ-менеджеров) предприятий и банков, занимающих высшие строчки в рейтингах экономических показателей. Есть структуры, владельцы которых предпочитают держаться подальше от политики, хотя объемы их бизнеса могут быть значительными. А для других политика - одно из важнейших направлений деятельности. Корпорации первого типа могут иметь большое влияние на экономику страны; корпорации второго типа - политические акторы, и их роль в экономике может быть

не такой значительной. Иначе говоря, мощь контролируемого капитала является необходимым, но недостаточным признаком принадлежности к бизнес-элите.

На определенном этапе российских реформ она может быть отнесена к правящей группе общества, что обусловлено не только размером контролируемых ею ресурсов, степенью ее влияния, но и ее происхождением. Ставшая питательной почвой для российской буржуазии "комсомольская экономика", из которой выросла и нынешняя бизнес-элита, - это детище советской номенклатуры [1]. Персональная молодость отдельных представителей бизнес-элиты не должна вводить в заблуждение: номенклатура обменивала власть на собственность, необязательно лично включаясь в коммерческие авантюры. Для ведения рискованных дел подбирались молодые люди из комсомольского резерва партии - "уполномоченные", которые и оперировали деньгами государства. Именно поэтому в "классе уполномоченных" трудно встретить бывших партийных секретарей. Здесь нашли себя представители другого поколения - активные комсомольские функционеры, низшее чиновничество советского времени.

Влияние бизнеса на политику связано не только с возможностями и ресурсами самих магнатов, но и с состоянием государственной машины. Чем слабее государство, тем активнее бизнесмены. И наоборот, чем сильнее политическая власть, тем более скромную политическую роль играют предприниматели, сосредоточиваясь на экономических проблемах. Политические амбиции предпринимателей - это своеобразный барометр состояния государства.

Безусловно, что и до кризиса 1998 г., и после него в России существовала довольно многочисленная группа людей, которая оказывала заметное воздействие на происходящее в стране благодаря финансовым ресурсам. И пример России здесь совершенно не специфичен. Власть денег всегда и везде проявлялась в контроле над средствами массовой информации, в финансировании выборов, помощи партиям, "покупке" депутатов, лоббировании. Еще Р. Михельс сформулировал "*железный закон олигархии*", суть которого заключалась в том, что демократия, чтобы сохранить себя и достичь известной стабильности, вынуждена создавать организацию, выделяя активное меньшинство - элиту. Поэтому демократия, считал Михельс, неизбежно вырождается в олигархию [2]. Другой элитолог Мириам Бёрд писала, что возможность достижения власти означает одновременно и возможность достижения богатства. В обществе нет никаких препятствий для того, чтобы власти достигали богатые [3]. Практически во всех демократических государствах состоятельные кандидаты имеют лучшие шансы победить на выборах. Об этой особенности демократии пишут многие авторы [4]. Словом, власть и богатство - родные сестры не только в Российской политике. Однако их взаимодействие в разные периоды истории отличается и интенсивностью, и вектором влияния.

Слияние и взаимопроникновение власти и богатства, образующие "власть богатых", принято называть *олигархией*. *Это такой тип государственного устройства, в котором крупные собственники имеют не только экономическую власть, но и огромное политическое влияние.* Они участвуют в формировании власти и в то же время получают привилегии от этой власти, на которых и зиждется их благосостояние. В свою очередь политики все глубже проникают в бизнес, приобретая крупные пакеты акций, создавая разветвленные кланы, состоящие из членов, контролирующих все жизненно важные стороны подвластных им территорий.

Олигархия основана на взаимодействии двух элитных групп: *истэблишмента*, который финансируется крупным бизнесом и выдает ему разрешения на занятия сверхприбыльными видами предпринимательства; и *бизнесменов*, которые играют роль стратегического центра в периоды своего наибольшего могущества или просто являются "группой поддержки" одной из политических сил. Взаимопроникновение власти в собственности выражается в том, что происходит постоянный торг и обмен ресурсами между обоими акторами, включая и кадровые рокировки: бизнесмены приводят к власти своих ставленников, а политики после отставки находят себе пристанище в частных корпорациях, принося им в качестве капитала свои обширные политические

18

связи. В олигархическом государстве дистанция между государственной властью и крупным бизнесом минимальна: это узкий мирок людей, в котором каждый знает каждого.

Такое понимание олигархии близко, но не тождественно тому, которое распространено в российской прессе, где олигархами называют 10-15 бизнесменов, наиболее популярных на сегодняшний день. В отличие от журналистов, для которых важен ситуативный и персонифицированный анализ, подход социолога иной: олигархия исследуется как социальная группа, персональный состав которой имеет лишь операциональный характер и важен при конструировании выборки исследования. Для социолога олигархия безлична и не зависит от замены одной фамилии на другую. Речь идет не о списке конкретных влиятельных лиц, а о социальной связи двух групп, составляющих сегодня российскую элиту, - политиков и крупных собственников, о степени их взаимопроникновения и взаимовлияния. Поэтому понятно, что падение конкретных олигархов может означать отнюдь не ослабление, а укрепление олигархии, как это произошло в посткризисной России.

Восхождение олигархии

Олигархия в России получила мощный импульс к развитию в 1995 г. после решения правительства передать частному бизнесу акции крупнейших промышленных предприятий в обмен на финансовую помощь бюджету. Залоговые аукционы 1995 г. явились Рубиконом, разделяющим два этапа в формировании бизнес-элиты. До этого момента она состояла из финансистов, которые имели огромные связи в политическом мире, однако их роль в экономике не была существенной: крупнейшие отечественные предприятия им еще не принадлежали. Был значительный разрыв между группой, контролировавшей стратегически важные предприятия страны, и группой, аккумулировавшей финансовый капитал в Москве. Промышленные предприятия, полуразрушенные и нуждающиеся в серьезной модернизации, мало интересовали нуворишей, готовых в любой момент сложить свои деньги в чемоданы и покинуть пределы родины. После решения о залоговых аукционах крупным финансистам представилась возможность выгодно вложить свои деньги, упрочив свое положение в экономике и политике. Таким образом, собственники *уполномоченных* банков в середине 90-х годов превратились из группы виртуально влиятельной в группу действительно экономически мощную. Теперь ее политический вес определялся не только связями в коридорах власти и популярностью в СМИ, но и реальным экономическим весом.

Процесс нарастания роли крупных бизнесменов в обществе демонстрировали регулярно публикуемые в "Независимой газете" рейтинги ста наиболее влиятельных политиков, которые составлялись по результатам экспертных опросов службы Б.А. Грушина "Vox Populi". Впервые в списке ведущих политиков страны бизнесмены появились в 1996 г. (см. табл. 1). Всего за шесть лет они добились максимального влияния, и лидер группы - Борис Березовский - устойчиво входил в шестерку наиболее влиятельных людей страны. Один из "олигархов", глава "Альфа-банка" Михаил Фридман так говорил в своем интервью 1997 г., вскоре после встречи Президента Б.Н. Ельцина в Кремле с группой бизнесменов: "Представить себе, что Президент Горбачев встретился с кем-то из бизнесменов, было абсолютно нереально, потому что это был настолько разный социальный статус! Сам факт встречи Ельцина с бизнесменами демонстрирует полное изменение места и роли бизнес-комьюнити в иерархии нашего общества. Сегодня мы заняли очень престижное место" [5].

В первые годы своего существования олигархи были совсем небольшой и достаточно сплоченной группой, которая выражала не столько интересы предпринимательского класса в целом, сколько свои узко корпоративные интересы. Даже их лоббистские устремления были направлены не на проталкивание законов, в которых заинтересован крупный российский бизнес вообще, а на получение конкретных при-

Динамика годовых рейтингов "олигархов", входящих в сотню наиболее влиятельных политиков России (место в рейтинге 100 ведущих политиков России) [6]

Олигархи	1996	1997	1998	1999	2000
Березовский Б.А.	98	6	4	5	4
Потанин В.О.	84	20	19	53	47
Вяхирев Р.И.	-	13	8	12	7
Гусинский В.А.	-	15	15	19	15
Ходорковский М.Б.	-	28	25	72	60
Алекперов В.Ю.	-	25	23	26	26
Фридман М.М.	-	-	59	94	54
Авен П.И.	-	-	-	98	39
Абрамович Р.А.	-	-	-	29	5
Мамут М.А.	-	-	-	-	21
Смоленский А.П.	-	26	31	-	-
Виноградов В.В.	-	55	51	-	-
Невзлин Л.Б.	-	-	90	-	-
Евтушенков В.П.	-	-	-	36	-
Всего входило в список влиятельных политиков (чел.)	2	8	10	10	10
Среднегодовой рейтинг олигархов	91	23,5	32,5	44,4	27,8

вилегий для своих фирм. Самые известные из олигархов первой волны стремились не столько определять политический курс государства, сколько курировать кадровые назначения. Строго говоря, идея всемогущества олигархов 1995-1996 гг. была мифом общественного сознания, раздутого средствами массовой информации. На самом деле, их влияние на политику было весьма ограниченным. Это была лишь пена, будоражащая любопытство обывателей. Но за пустотой газетной шумихи скрывался реальный и глубокий процесс наступления набирающего силу класса предпринимателей, который происходил повсеместно и по многим направлениям.

Олигархи 1995-1997 гг. были амбициозны и наивны. Им так быстро удалось разбогатеть, что это вызывало "головокружение от успехов". Казалось, что им теперь все подвластно. И самые отчаянные из них пустились в открытые политические авантюры. Они без труда становились депутатами и даже баллотировались на президентский пост (М. Шакум в 1992 и В. Брынцалов в 1996 г.). Но скоро стало ясно, что политика - слишком дорогое удовольствие для еще не окрепшего бизнеса. Лобовые атаки *новых русских* сменились попытками влиять на политику более масштабно, но опосредованно. Бизнес-элита начала использовать в своих интересах СМИ, правую и левую оппозицию, профсоюзы, правительственных чиновников. Они покупали инсайдерскую информацию, чтобы использовать ее в бизнесе, влиять на принятие конкретных экономических решений.

Первые миллиардеры поднялись на волне бурных изменений во властных структурах и проникли на самый верх. Они поняли все преимущества своего положения бизнесменов-политиков и повели опасную игру, финансируя политические структуры и СМИ. Начиная с 1995 г. происходило неуклонное повышение роли крупных бизнесменов в политике. Исследователь олигархии Я. Паппэ так описывает этот процесс: "До 1998 г. происходил относительный рост ресурсов всех ведущих экономических группировок по сравнению с ресурсами, находящимися в распоряжении властных структур. С начала 1998 г. начался обратный процесс. Однако если в первой половине года он шел медленно, то после 17 августа резко ускорился" [7]. Накануне же августовского кризиса вопрос "Кто правит Россией - олигархи или политики?" казался вполне правомерным.

Кризис и падение олигархов

Августовский кризис 1998 г. был потрясением для всего российского общества, в том числе, и для бизнес-элиты. Докризисная группа "олигархов" стала фрагментироваться, изменилась и численно, и структурно. Падение правительства С. Кириенко завершило этап российской политики, в течение которого не только контроль над финансовыми потоками оказался в руках небольшой группы олигархов, но и решение важнейших политических задач.

Сравнивая результаты исследований, проводимых сектором изучения элиты Института социологии РАН за последние восемь лет [8], можно увидеть, что из старого состава предпринимательской верхушки 1993 г. в 2001 г. статус бизнес-элиты сумели сохранить только 15%. Чем объясняется столь сильное обновление? Причин тому несколько. Стихийный рынок претерпел структурные изменения. Если до 1998 г. основную роль на Российском рынке играли финансовые структуры (банки, биржи, инвестиционные корпорации), то после кризиса их роль резко уменьшилась. Спекулятивный сектор экономики был практически разрушен драматическими событиями августа и так и не восстановился в полном объеме. Товарные биржи, некогда процветавшие, ушли в небытие, количество банков резко сократилось. В посткризисный период на арену выходят промышленные предприятия России, которые постепенно набирают силу. Эти изменения в экономике не замедлили сказаться и на структуре Российской бизнес-элиты (см. рис. 1).

Что же произошло с 85% бизнес-элиты 1993 г.? Наши данные свидетельствуют, что большинство (52%) предпринимателей, входивших в состав элиты в 1993 г., остались в 2001 г. в бизнесе, однако масштаб деятельности многих теперь не позволяет включить их в число ведущих бизнесменов страны. Вполне естественно, что снизилась и степень их влияния в обществе. 5% бизнесменов из прежнего состава стали профессиональными политиками и в настоящее время работают на постоянной основе в парламенте либо в правительстве. 7% бизнесменов ушли на пенсию по возрасту. В основном это банкиры, которые в первые годы реформ возглавили коммерческие банки, созданные на базе бывших госбанков. 8% переехали за границу, в основном по причине сохранения личной безопасности. Двое были убиты (это глава Круглого стола бизнеса России Иван Кивелиди и глава Ассоциации "XXI век" Отари Квантришвили). По остальным нет информации.

Если в 1995-1997 гг. в список ста наиболее влиятельных политиков входили 10-15 олигархов, то в посткризисный период ситуация разительно меняется. Совокупный рейтинг группы в 1998 г. стремительно падает уже после июня: если в январе он оценивался 33 местом, в феврале — 30, апреле — 35, июне - 22, то в июле 28, августе - 30, а в сентябре - 47. В то же время происходит наращивание экономической мощи крупнейших финансово-промышленных групп. Олигархи, приобретая целенаправленно целые сектора экономики, становятся не только популярными PR-персонами, но и крупнейшими собственниками. Теперь бизнес-элита - это группа людей, которые владеют почти всеми крупнейшими предприятиями и банками России (см. рис. 2).

Портрет посткризисной бизнес-элиты

Посмотрим, насколько изменился состав бизнес-элиты за 8 лет. Сравнение данных 1993 и 2001 гг. позволяет наглядно увидеть следующие изменения: бизнес-элита 2001 г. помолодела на 3 года по сравнению с 1993 г., и теперь средний возраст группы составляет 48,6 лет по сравнению с 51,8 восемь лет назад [9]. По-прежнему это исключительно мужская группа. Если в 1993 г. 37% были из Москвы, 28 - из крупных городов, а 35 - из сел и малых городов, то в 2001 г. почти каждый третий представитель бизнес-элиты родом из Москвы и Петербурга, остальные 67% - представители Российской провинции, причем 25% — из крупных городов, а 42% выходцы из

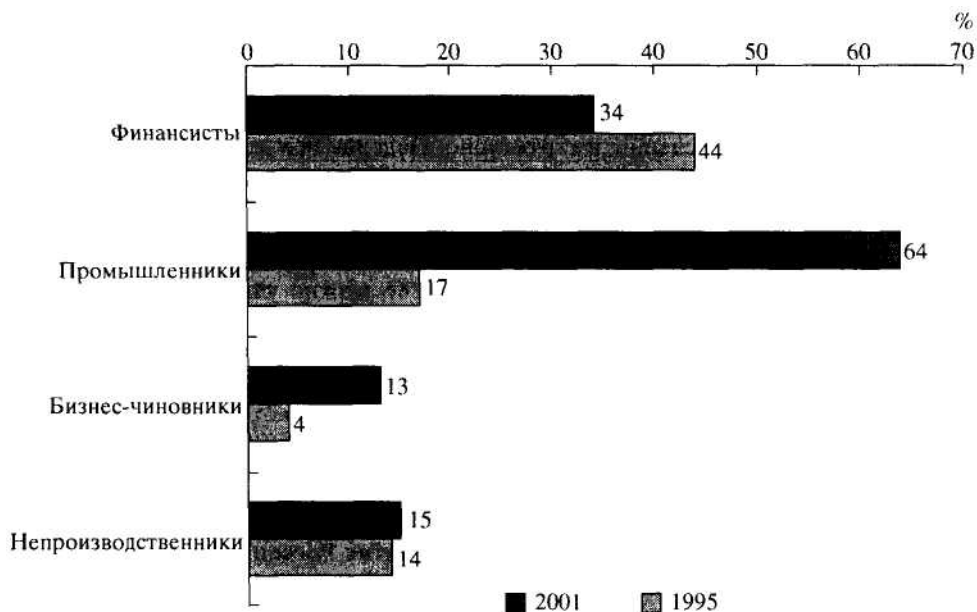

Рис. 1. Динамика структурных изменений бизнес-элиты в 1995-2001 гг.

Рис. 2. Этапы формирования бизнес-элиты. I - первый этап: бизнес-элиты еще далека от крупного бизнеса (1993); II - второй этап: бизнес-элиты контролирует около половины крупного бизнеса (1996); III - третий этап: бизнес-элиты контролирует большую часть крупного бизнеса (2001)

сельской местности и малых населенных пунктов. Причина большей провинциальности группы кроется в структурных изменениях - на место влиятельных московских финансистов пришли региональные промышленники. Характер образования бизнес-элиты также претерпел некоторые изменения. Если в 1993 г. типичным был приход в бизнес из сферы науки (26 чел.), культуры и образования (15), из госбанков (17), то в 2001 г. это в основном производственники - 50 чел. (35 в 1993 г.), 16 чел. пришли из структур госслужбы, 28 работали в свое время в сфере науки, культуры и образования. И хотя доля людей с высшим образованием практически не изменилась (94% в 1993 г. и 97 - в 2001 г.), в 2001 г. среди них преобладают люди с техническим или инженерно-экономическим образованием - 73 чел. (в 1993 г. - 55), экономическое и юридическое имеют 57 чел. (ранее 44). У многих второе юридическое образование. Если два высших образования в 1993 г. имели 2,6%; то в 2001 г. таких было 13,4% [10].

Анализ социально-профессионального бэкграунда новой бизнес-элиты позволяет сделать вывод о том, что связь этой группы с политической элитой советских времен остается по-прежнему высокой. Так, 28,6% нынешней бизнес-элиты принадлежали в свое время к советской номенклатуре [11]. Восемь лет назад этот показатель был лишь на 4 % меньше. По опыту работы на номенклатурных ответственных постах представители когорт 1993 г. и 2001 г. соответственно характеризуются: 11,3 и 7,1% работали в органах ВЛКСМ; 4,3 и 4,4 - в органах КПСС; 5,2 и 5,3 - в советах и

исполкомах; 10,4 и 11,6 - в министерствах [12]. Если для когорты образца 1993 г. главной номенклатурной базой выступали комсомольские структуры, то сейчас она заметна как министерская. Непосредственно же до вхождения в бизнес-элиту члены группы 2001 г. были директорами предприятий (25%), чиновниками (20%), работниками частных коммерческих структур (27%), работниками государственных банков (6%) и др.

Характерно, что 14% новой бизнес-элиты пришли в бизнес с высших государственных постов. Этот тип карьеры сложился только в новой России. Если раньше местом отставки высокого должностного лица, как правило, была дипломатическая служба, то теперь, чаще всего, государственные чиновники после отставки становятся топ-менеджерами в крупных корпорациях. Эта тенденция впервые проявила себя в период 1992-1993 гг., когда ряд членов правительства перешел работать в коммерческие структуры: Петр Авен стал президентом "Альфа-банк"; Максим Бойко - генеральным директором рекламной группы Video International; Виктор Илюшин - главой холдинга "Газпром-Медиа"; Андрей Козырев - одним из топ-менеджеров американской компании ICN Pharmaceuticals; Владимир Лопухин - президентом консалтинговой фирмы "Вангард"; Владимир Машиц - президентом Межгосбанка; Петр Мостовой - первым вице-президентом "АЛРОСА"; Юрий Петров - председателем Государственной инвестиционной корпорации; Альфред Кох - главой компании "Монтес Аури"; Владимир Полеванов - вице-президентом инвестиционного фонда "Золото России"; Олег Сысуев - вице-президентом "Альфа-банка". Впоследствии этот процесс стал массовым.

За 8 лет существенно изменились способы прихода в бизнес ведущих предпринимателей страны. В 1993-1995 гг. наиболее распространенным способом создания успешной коммерческой структуры было создание государственным чиновником фирмы непосредственно для своего перехода в эту структуру (мы называем этот процесс *"пересаживанием"*). Это была форма обмена власти на собственность. Вместо прежней советской "дипломатической ссылки" возник новый путь ухода из власти - переход в бизнес. Структуры, созданные таким способом, быстро наполнялись высокопоставленными отставниками. Как неоднократно рассказывали нам в своих интервью бывшие партийные руководители и ответственные работники министерств, в такие фирмы принимались на работу только старые коллеги, "свои". Такие коммерческие "отстойники" образовывались главным образом на базе старых министерств и ведомств.

Следующим по распространенности способом обмена власти на собственность было *делегирование* каким-либо государственным органом полномочий по ведению коммерческих дел своим уполномоченным лицам. На руководящие посты в таких новых кампаниях, созданных при непосредственном содействии госструктур, направлялись молодые люди, не имевшие прямого отношения к советской номенклатуре или занимавшие в ней низшие должности. Эту группу бизнесменов мы называем "классом уполномоченных". Разновидностью этого же способа было отпочкование новой коммерческой структуры от уже существующей "уполномоченной" и создание целого куста аффилированных фирм. И, наконец, третьим распространенным способом создания успешного бизнеса была приватизация предприятий. В большинстве случаев социалистическое предприятие, превращенное в акционерное общество, не меняло или не сразу меняло менеджеров, и директор завода оставался на своем посту, став теперь уже не только управляющим, но и собственником своего предприятия.

Если для 1993 г. самым характерным способом перехода в бизнес было создание собственной структуры с использованием служебного положения (56,5% представителей бизнес-элиты), то в 2001 г. основная масса "олигархов" создавала свой собственный бизнес, используя приватизирование предприятий (39%). Приход в бизнес для верхушки предпринимателей 1993 и 2001 гг. приходится на два временных отрезка. Для ранней генерации вхождение в коммерцию приходится главным образом на 1988 г., а для нынешней бизнес-элиты - этот процесс был более плавным и растянулся на период 1991-1994 гг. (рис. 3).

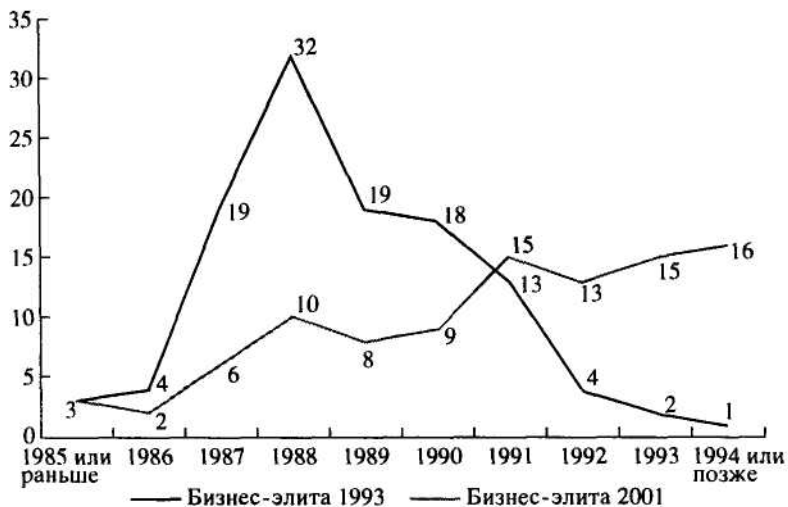

Рис. 3. Год вхождения в бизнес для бизнес-элиты (1993 и 2001 гг.)

Бизнес-элиты и власть: новые роли

В посткризисный период изменилась не только сама бизнес-элита. Изменилось и ее влияние на политический процесс. "Старые" олигархи ельцинской эпохи уходят в тень, уступая место новой генерации предпринимателей. Эти "новейшие русские" более провинциальны, теснее связаны с отечественной промышленностью, не так наивно амбициозны. Катастрофы "старых" олигархов, пострадавших от своей близости к власти, научили их осторожности. Новые олигархи стараются не эпатировать публику, не бахвалятся своим богатством, а пытаются выстраивать прочные и неброские отношения с истеблишментом на всех уровнях, действуя все чаще не лично, а через своих представителей.

Разрушение медиа-империй Б. Березовского и В. Гусинского привело к осознанию, что нынешний режим не позволит себя шантажировать. Иметь влияние в СМИ теперь могут только те структуры, которые действуют вместе с властью. Лояльность стала новым девизом олигархии. Не вершить судьбы политиков, а помогать власти - вот какая роль теперь отведена крупному бизнесу. Но эти изменения политического контекста отнюдь не означают, что предприниматели тихо уползли в тень. Их влияние изменило формы, но все же осталось значительным. Олигархия в значительной мере деперсонифицировалась. Теперь не конкретные боровые, Тарасовы, брынцаловы, березовские блистают на политической арене, а молчаливые представители могущественных корпораций - Газпрома, Лукойла, Юкоса, Альфы и проч. *Высшие достижения бизнес-элиты в структурах власти* можно описать так.

В группе **"бизнесмены - депутаты"** значатся Артем Тарасов — народный депутат РСФСР 1990 г; Владимир Семаго - депутат Госдумы (ГД) 1993; Марис Горячев - ГД 1993; Константин Боровой - ГД 1995; Владимир Гуцериев - ГД 1995, 1999 г.; Владимир Дубов - ГД 1999; Геннадий Семигин - ГД 1999; Сергей Генералов - ГД 1999; Борис Березовский - ГД 1999 (по 2000 г.). В группе **"бизнесмены - члены Совета Федерации"**: Леонид Невзлин — представитель Президента Республики Мордовия в Совете Федерации 2001 г. (группа "ЮКОС"); Сергей Пугачев - представитель Президента Республики Тыва в Совете Федерации 2001 г. (Межпромбанк). **"Бизнесмены в исполнительной власти"**. Владимир Потанин— 1-й вице-премьер правительства РФ 1996-1997 (группа "Интеррос"); Сергей Генералов - Министр топлива и энергетики 1998-1999 гг. (группа "ЮКОС"); Владислав Сурков — заместитель руководителя

Ставленники крупного бизнеса в элитных группах (в %)

	Высшее руководство	Депутаты Госдумы	Правительство	Региональная элита	В целом по когорте
Ельцинская когорта (1993)	2,3	12,8	0,0	2,6	4,4
Путинская когорта (2001)	15,7	17,3	4,2	8,1	9,3

Администрации Президента РФ 1999 - по н.в. (группа "Альфа"); Александр Абрамов - заместитель руководителя Администрации Президента РФ 1999-2000 гг., секретарь Госсовета РФ 2000 - по н.в. (группа "Альфа"); Андрей Попов - начальник Главного территориального управления администрации Президента РФ (группа "Альфа"); Борис Березовский - заместитель секретаря Совета Безопасности РФ 1996-1997, исполнительный секретарь СНК 1999-2000; Александр Гаврин - министр топлива и энергетики РФ 2000 ("Лукойл"). **"Бизнесмены-губернаторы"**: Кирсан Илюмжинов - Республика Калмыкия, 1993, 1995 г.; Юрий Евдокимов - Мурманская область, 1996, 2000; Леонид Горбенко - Калининградская область, 1996-2000; Владимир Бутов - Ненецкий АО, 1996, 2000; Александр Ткачев - Краснодарский край, 2000; Владимир Логинов - Чукотский АО, 2000; Роман Абрамович - Чукотский АО, 2000; Александр Хлопонин - Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО, 2001; Борис Золотарев - Эвенкийский АО, 2001; Вячеслав Штыров - Республика Якутия (Саха): 2002; Хазрет Совмен - Республика Адыгея, 2002.

Среди "старых" олигархов лишь "Альфа-группа" открыто присутствует на политической арене. Ее представители вошли в Российский истеблишмент: сразу два бывших топ-менеджера заняли посты заместителей руководителя администрации Президента РФ (В. Сурков и С. Абрамов). Альфовцы составляют целую команду на Старой площади, занимая различные посты от консультантов до руководителей ряда управлений.

Несмотря на то, что персональное влияние олигархов первой волны заметно снизилось, роль крупных бизнесменов в обществе в целом имеет тенденцию к возрастанию. В табл. 2 представлены данные биографического анализа властных когорт периода Ельцина и Путина, которые показывают, что удельный вес ставленников бизнеса в различных органах власти заметно возрос. В целом по всем элитным группам рост представительства бизнеса во власти увеличился более чем в 2 раза за последние восемь лет.

Бизнес-элита в регионах

Жесткие удары, которые сыпались на амбициозных предпринимателей в центре в посткризисный период, миновали провинциальных коммерсантов. Разорившиеся в 1998 г. московские бизнесмены закрывали региональные филиалы, принадлежавшие олигархам структуры переходили в руки местных администраций или аффилированных с ними компаний. По сути дела за период 1998-2000 гг. произошел новый передел собственности. При отчуждении собственности у ее "неэффективных" владельцев "за долги" возможны были два сценария развития: возврат акций в лоно государства (национализация) или замена одного частного собственника другим (переприватизация). И тот, и другой путь активно использовался местными властями.

Бархатная национализация посткризисного периода проходила в интересах местных властей. Первый опыт такого рода был проведен губернатором Псковской области Е. Михайловым, который ввел монополию на производство и оптовую торговлю алкогольной продукцией. Было создано первое государственное унитарное предприятие (ГУП) "Псковалко". Модель оказалась весьма эффективной, и за год было созда-

но еще 8 ГУПов: "Псковобллеспром", "Эколес", "Псковторф", "Псковвторма" и др. В пользу только что созданного ГУПа у местного предприятия отторгались производственные активы - в счет погашения налоговой недоимки. "Злостных должников" банкротили, их собственность отходила ГУПам, то есть местной администрации. Опыт Михайлова соответствовал духу времени и интересам региональных элит. ГУПы стали расти в регионах, как грибы после дождя. Повсеместно начались попытки создания региональных монополистов по типу "Газпрома" или "ЕЭС" России".

Московские олигархи вытеснялись из регионов не только в пользу провинциального истэблишмента. В выигрыше оказались и местные предприниматели, дружественные (или родственные) властям. В Курске тогдашний губернатор А. Руцкой передает аптечную сеть города своему старшему сыну Дмитрию, ставшему генеральным директором АО "Курскфармация". Младший сын губернатора получил должность менеджера ОАО "Курскнефтехим", 49% которой находятся в собственности Московской фирмы "РуА", генеральным директором которой опять же является Руцкой-младший. Братья губернатора тоже удачливы: старший возглавляет государственно-акционерную компанию "Фактор". Младший стал заместителем начальника УВД области по общественной безопасности. Даже мать губернатора выступила соучредителем некой фирмы "Глат". Руководит культурой в Курске Анатолий Попов - тесть губернатора.

Переприватизация и укрепление местной олигархии лавинообразно проходит по всем регионам России. Но особый размах этот процесс приобретает в национальных республиках, где все отчетливее проступают черты *автократии*. В Башкирии складывается клан родственников президента: сын президента Урал Рахимов - вице-президент холдинга "Башнефтехим"; племянник жены президента Азат Курманаев - президент "Башкредитбанка"; жена президента Луиза Рахимова занимает ответственный пост в Министерстве внешних связей и торговли республики. Национализация экономики Башкирии также идет полным ходом: созданы государственные монополии в ключевых сферах экономики ("Башлеспром", "Башкирская топливная компания", "Башхлебоптицепром", "Башавтотранс").

К 2000 г. силы региональных олигархов настолько окрепли, что они начали экономическую экспансию в соседние регионы. Появились олигархи-регионалы, влияние которых базируется на межрегиональных горизонтальных связях. Развитие их бизнеса сопровождалось постепенным приобретением предприятий-смежников (поставщиков или потребителей их продукции). В результате диффузии их бизнеса образовались финансово-промышленные группы, которые не имели прямого отношения к Московским олигархам первой волны. Наиболее яркий пример такого типа — Алексей Мордашов, генеральный директор АО "Северсталь" (Череповец, Вологодская область), который вошел в число наиболее влиятельных бизнесменов страны в последние 2-3 года. Ту же политику интеррегиональной экспансии демонстрируют предприниматели Свердловской и Самарской областей, Башкирии. Новыми холдингами трансрегионального масштаба в последние годы стали Уральская Горнометаллургическая компания, Новолипецкий металлургический комбинат, "Румелко", ФПГ на базе Башкредитбанка, Петербургская ФПГ "Новые программы и концепции", "Евразхолдинг".

Нарастание экономической мощи региональных предпринимателей отразилось и на их политическом положении. В период 1998-2001 гг. стало очевидным, что избиратели предпочитают отдавать свои голоса крупным хозяйственникам, руководителям акционерных обществ, больших по региональным меркам предприятий. По итогам парламентских выборов регионального уровня, представители директорского корпуса, промышленной и финансовой элиты получили 80% депутатских мандатов в Пермской области, около 70 - в Смоленской области, около 60 - в Пензенской, Тамбовской и Томской областях. Возникла опасная тенденция: усиление политической роли местных олигархий пропорционально снижает роль гражданского общества на выборах. Чем больше в местных legislatures олигархов и чиновников, тем меньше представлены интересы учителей, врачей, рабочих, фермеров.

Данные факты свидетельствуют о том, что после 1998 гг. усиливалась тенденция открытого слияния финансово-промышленного капитала и власти на региональном уровне. Рост влияния финансово-промышленных кругов в российских городах сопровождался ростом влияния директората АПК в сельской местности. В результате во всех региональных законодательных собраниях руководители акционерных обществ, унитарных предприятий, банков и других коммерческих структур стали доминирующей силой. При этом относительно больше становится новых предпринимателей, которые теснят на выборах "традиционный директорат", особенно в тех территориях, где велика доля разорившихся или находящихся в стадии банкротства предприятий. Преобладание руководителей экономических структур в органах законодательной власти отражает рост их могущества (и, в частности, рост их ставок в торге с региональной бюрократией).

Увеличение числа предпринимателей в местных регистрациях происходило за счет уменьшения доли государственных и муниципальных чиновников в депутатском корпусе, а также за счет вытеснения депутатов, не входящих в структуры власти и бизнеса. Столь очевидный дисбаланс социального представительства обусловлен следующими обстоятельствами: материальная и правовая необеспеченность большинства граждан усиливает их зависимость от владельцев и распорядителей материально-финансовых ресурсов, определяет "материалистическую" мотивацию электорального поведения. Руководители хозяйственных и финансовых структур, стремясь попасть в законодательные органы, практикуют в той или иной форме скупку голосов.

Согласно региональному законодательству, запрет на совмещение депутатского мандата с предпринимательской деятельностью распространяется только на депутатов, работающих на постоянной основе. Благодаря этому институту совместительства владельцы и руководители экономических структур получают важнейшие законодательные, контрольные и кадровые прерогативы, ресурсы и к тому же освобождены от профессиональной законотворческой работы. Все это закрывает доступ в законодательные органы для интеллигенции и активистов общественных структур.

Тот же процесс нарастания прямого влияния бизнеса на региональную политику заметен и при формировании органов исполнительной власти. С каждым годом увеличивалось число губернаторов-бизнесменов. Волна выборов 2000-2001 гг. дала новое прибавление - губернаторами "своих" территорий становятся главы крупнейших в регионе промышленных структур: на Чукотке - Р. Абрамович, глава "Сибнефти" (2000 г.); на Таймыре - А. Хлопонин, глава "Норильского никеля" (2001 г.); в Эвенкии - Б. Золотарев, руководитель дирекции по развитию ЗАО "ЮКОС" (2001 г.). В Краснодарском крае, Корякском автономном округе и Приморье побеждают местные олигархи - А. Ткачев, В. Логинов (декабрь 2000) и С. Дарькин (2001). Недавно начавшийся 2002 год принес еще две победы — В. Штыров победил в Республике Якутия (Саха), а Х. Совмен - в Республике Адыгея. Таким образом, в настоящее время у власти в 11 регионах стоят крупные бизнесмены, что составляет более 12% губернаторского корпуса России.

* * *

В качестве **новых тенденций в развитии бизнес-элиты** можно выделить следующее.

1) Стали появляться мощные финансово-промышленные группы, базирующиеся не в Москве, а в российских провинциях и ставящие задачу межрегиональной интеграции. В то же время перемещение деловой и политической активности бизнес-элиты из центра в регионы сопровождалось усилением роли государства, которое принимало шаги для восстановления контроля над экономикой и политикой.

2) Укрепление государства ставило бизнес-элиту в более жесткие рамки и ограничивало свободу их действий, что в целом привело к снижению ее прямого влияния на некоторые политические процессы. Прежде всего, это коснулось кадровой политики, где государство вернуло себе роль главного decision-maker'a, и публичной политики в СМИ. Оппозиционно настроенные СМИ, как известно, были переданы в руки тех

структур, которые доказали свою лояльность. Методы грубого диктата со стороны бизнес-сообщества в политической сфере ушли в прошлое и сменились на различные формы диалога с властью.

3) Начиная с 1998 г. происходило дальнейшее вытеснение московского капитала из регионов и усиление концентрации власти на региональном уровне. В то же время в ряде республик продолжался процесс дальнейшего сращивания бизнеса и власти и образования местных олигархий. Иногда этот процесс приобретал автократичные формы, когда крупный бизнес в регионе перешел под полный контроль не государства, а его высших чиновников, которые образовали финансово-промышленные кланы.

4) Менялись интересы крупного бизнеса. Если сначала они касались лишь привилегий для своих компаний, то с ростом масштаба их деятельности лоббистские устремления предпринимателей стали распространяться на законодательное регулирование экономики в целом. Это привело к возрастанию экономического влияния частного бизнеса, которое в какой-то степени компенсировало утраченное политическое могущество.

5) В посткризисный период крупный бизнес стал пристанищем для многих отставных политиков. В высшем руководстве практически всех крупных коммерческих структур присутствуют бывшие высокопоставленные чиновники, министры, экс-руководители структур исполнительной власти.

6) Если раньше различия между списком владельцев крупных предприятий и рейтингом самых влиятельных олигархов были существенными, то теперь это несоответствие преодолевается. Новые магнаты скупают или уже скупили все крупнейшие предприятия страны и заняты упорядочиванием своих холдингов.

Объявленная В. Путиным политика "равноудаления" для олигархов означает выбор: или поддерживать власть во всех ее начинаниях, или уйти в тень. Новая власть занята восстановлением государственной машины, которая на время была приватизирована чиновниками и бизнесменами. В этом новом общественном устройстве нет места оппозиции, непредсказуемым выборам и непокорным нуворишам, любым необузданным силам. И достигается это с помощью чеболей - огромных экономических конгломератов, деятельность которых в значительной степени контролируется государством. Модель корейского экономического чуда как нельзя лучше подходит для этих целей. В этом интересы государства и крупного бизнеса совпадают: дальнейшая концентрация капитала в руках 20-25 финансово-промышленных групп полностью лояльных государству - вот экономический проект новой власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этом подробнее: Крыштановская О.В. Финансовая олигархия России // Известия, 1996. 10 января; Куколев И.В. Формирование российской бизнес-элиты // Социологический журнал. 1995. М» 3; Бушин И.Н. Три волны российского предпринимательства // Бизнесмены России: 40 историй успеха. М., 1994; Охотский Е.В. Политическая элита. М., 1993.
2. Michels R. Political Parties. N.Y., 1959. P. 7.
3. Beard M. A History of the Business Man. N.Y.: Macmillan. 1938. P. 166.
4. Например: Mills C.W. The Power Elite. New York, Oxford University Press, 1959; Rochester A. Rulers of America. New York, 1936; Беглов И.И. Собственность и власть. М.: Наука, 1971.
5. Интервью с М.М. Фридманом, главой "Альфа-группы". 20.10.1997.
6. Данные любезно предоставлены социологической службой "Vox Populi".
7. Пантэ Я.Ш. "Олигархи". Экономическая хроника 1992-2000. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 46.
8. Исследование "Лидеры Российского бизнеса" проводилось в секторе изучения элиты Института Социологии РАН в течение восьми лет - с 1993 г. по 2001 г. по сопоставимым методикам. На первом этапе использовался экспертный опрос для определения поименного состава бизнес-элиты. В исследовании 1993 г. выборка составила 115 чел., в 2001 - 119 чел. На втором этапе исследования анализировались биографии этих предпринимателей.
9. Данные исследований "Трансформация бизнес-элиты России" (1993-2001 гг.) сектора изучения элиты Института Социологии РАН. Руководитель исследования - О.В. Крыштановская.
10. Данные социологического исследования "Трансформация Российской элиты".

11. Эта же связь была замечена исследователями, занимающимися массовыми опросами. Например: *Черныш М.Ф.* Социальная мобильность в 1986-1993 годах // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 130—133.
12. Суммы процентов здесь превышают соответствующую долю когорт, так как многие респонденты работали последовательно на различных номенклатурных должностях.